

На следующий день после возвращения Бянь Хуна, в полдень, когда температура была самой высокой за сутки, Жун Фэн и Бянь Хун начали вскрывать промёрзшую землю на небольшом цветочном холме у подножия горы.

Стояла глубокая зима, почва промёрзла очень глубоко и была необычайно твёрдой. Снимая слой за слоем, словно отбивали лёд: удар - и осколки мерзлой земли разлетались во все стороны. Бянь Хун работал до изнеможения: пот заливал всё тело, нательное бельё промокло насквозь. Стоило подуть ветру, холод тут же проникал в ворот и рукава, жаля кожу. Жун Фэн велел ему отложить кирку, сказав, что дальше справится сам, но Бянь Хун лишь покачал головой и продолжил работу, не останавливаясь.

Когда могильная яма была полностью выкопана, Бянь Хун стряхнул с онемевших от ударов по мерзлой земле рук оцепенение и принялся приводить в порядок одежды Гао Чанфу, Чжао Санью и Лян Эрчуаня. У одних были почти оторваны руки и ноги, их грубо сшили обратно; у других удар пришёлся в живот, всё внутри было утрачено, и внутрь пришлось вложить наполнители, чтобы хоть как-то сохранить форму грудной клетки. И потому, когда Бянь Хун закончил, лица выглядели сносно, по крайней мере, казались спокойными.

Закрыв гробы и засыпав землю, Бянь Хун опустился на колени и поочерёдно совершил возлияние: одну чашу Небу, одну - Земле, третью - вылил перед их надгробиями. В конце концов Бянь Хун налил и себе чашу. Холодное вино источало ледяную сырость, но он запрокинул голову и осушил её залпом. Жидкость, жгучая и холодная одновременно, скользнула по горлу в желудок, так что в глазах защипало и выступила влага.

Он поднялся, глядя вдаль на белоснежные просторы гор и полей, на скрытую под снегом, но не сдающуюся даже зимой тёмную зелень сосен, и, приоткрыв губы, тихо произнёс в прозрачное небо:

— Души, вернитесь.

Жун Фэн понимал его скорбь, но и знал: тело юного ланьцзюня ещё не оправилось, силы были непрочны, и стоять так на ветру, в промокнувшей изнутри одежде, нехорошо. Он как раз подыскивал способ увести его обратно, когда по крутому склону от дома, спотыкаясь и почти кувыркаясь, сбежали Юаньдин и Гуаньбао и взобрались на малый цветочный холм.

Оба брата, старший и младший, были закутаны в толстые стёганые ватники с плотными швами, не пропускавшими ни ветерка. На головах тяжёлые, мягкие, пушистые шкуры. У Гуаньбао мех был ослепительно белый, а над макушкой торчали смешно покачивающиеся заячьи ушки - шапка, сшитая Жун Фэном из кроличьей шкуры, добытой в горах и тщательно выделанной.

Вообще-то у Юаньдина такая же шапка тоже была, но он считал, что уже стал взрослым, и выходить на люди с двумя пушистыми заячьими ушами на голове, значит уронить своё достоинство. Поэтому, хоть она ему и нравилась, надевал он её лишь в редких случаях, а чаще ограничивался тем, что с силой тёр голову Гуаньбао, когда тот щеголял своими ушами.

Оба ребёнка были закутаны так, что казались двумя круглыми колобками. Несколько месяцев сытой жизни, с хлебом и мясом, да ещё и душевный покой сделали своё дело - они заметно подросли и округлились. Сейчас, вскарабкавшись на склон, они вовсе не выглядели уставшими и смотрелись крепкими, налитыми.

Бянь Хун взял Юаньдина за руку и, по привычке, попытался одной рукой подхватить Гуаньбао, но вдруг понял, что не может его поднять. Он на мгновение опешил. Жун Фэн, заметив это, отложил мотыгу, в несколько шагов подошёл и без труда подхватил обоих детей, сгребая их в объятия. Гуаньбао при этом ещё и беспокойно задрогал ногами, размахивая своими «заячьими ушами».

— Пойдём, — сказал Жун Фэн. — Холодно, не дело морозить детей.

Произнося это, он смотрел на двух малышей, укутанных так, что они походили на шарики, и слова его были, признаться, не совсем искренни. Зато юный ланьцзюнь охотно в это верил.

Бянь Хун и впрямь кивнул, но перед тем как уйти, попросил Юаньдина и Гуаньбао слезть из объятий мужчины. Он подвёл детей к трём могилам, и они чинно, как полагается, опустили на колени и отвесили поклоны.

Холодный ветер посвистывал над склоном, и зимняя гора, прежде пустынная и печальная, с появлением детей словно ожила, наполнилась дыханием жизни. В этом было что-то обнадёживающее, дарящее чувство дома и опоры. Наверное, именно ради этого, ради такого будущего, бойцы гвардии Хубэнь и шли когда-то в огонь и сталь, не страшась смерти.

Наконец Жун Фэн, прижимая к себе двух пухлых колобков, повёл Бянь Хуна шаг за шагом обратно. По дороге Юаньдин с Гуаньбао без умолку щебетали, главным образом о высоком, худом, израненном коне, появившемся у них дома.

— Брат, бедная лошадка так сильно пострадала... Давай будем её защищать, а то вдруг её кто-нибудь убьёт и съест.

— Брат, брат! Она мне руку лизнула - щекотно было!

Четыре человека перевалили через заснеженный пригорок, и их фигуры постепенно исчезли за гребнем малого цветочного холма. Они возвращались домой. А когда придёт весна и земля оживёт, здесь, на этом месте, расцветут пёстрые дикие цветы, и тогда они вновь встретятся.

И ждать этого времени оставалось уже недолго - скоро наступит Новый год.

Праздник Весны приближался, и, как бы ни была тяжела жизнь, Новый год всё равно следовало встречать. К тому же вскоре разнеслась весть: дашуай одержал победу, война окончена, заключено перемирие. Слухи дошли даже до глухих горных деревень и маленьких

посёлков. Люди воспрянули духом, решив, что самое трудное наконец позади, а значит, наступающий год тем более стоит отметить как следует.

Жун Фэн решил спуститься с гор в ближайший городок - продать припасённые шкуры и лекарственные травы, купить масла, соли, соусов и приправ. Раньше мать питалась просто и пресно, и он привык к такой же еде. Но теперь он понял: на самом деле ему по вкусу насыщенные, густые ароматы и яркие вкусы. Мужчина, который в детстве ел что придётся, почти сырое, а повзрослев жил на чистой воде и скудной пище, лишь теперь по-настоящему распробовал, чего хочет его язык. Он любил острое и кислое, любил щедрое масло и тёмные густые соусы, любил то, как юный ланьцзюнь у кухонного очага поднимает половник и переворачивает еду на сковороде - ту самую тёплую, живую дымку человеческого быта.

В доме был раненый конь, были и маленькие дети, да и слова двоюродного дяди из семьи Минь о зачистках не давали покоя: именно перед Новым годом смута и разбой вспыхивают легче всего. Даже у тех, кто привык убивать без колебаний, в это время года особенно беспокойно на душе. Поэтому Бянь Хун остался дома.

Нужно было пополнить запасы: имбирь закончился, следовало купить свежего, перемолоть в порошок. Он пригодится не только в повседневной готовке, но и в дороге: без имбиря ни одно блюдо из дичи не обходится. Уксус тоже требовалось докупить. Здесь его было нетрудно найти, вероятно, из-за того, что уксус и жёлтое вино при малейшей неосторожности легко переходят друг в друга, торговля уксусом была развита: некоторые винокурни в городке продавали его напрямую. А вот соевый соус встречался редко, соя ценилась, да и соль была на вес золота.

Бянь Хун шаг за шагом приспособливался к этому миру, столь далёкому от современности. Он медленно учился принимать различия, запоминал, привыкал. Двое детей ничего этого не осознавали. Для них всё выглядело просто: их брат Си словно знал всё на свете и умел всё. Те неповоротливые, грубые клубни картофеля и батата, вяленое мясо, сморщенные сушёные плоды - в его руках всё находило своё место и своё назначение, словно так было всегда.

Детская радость проста, а пережитые страдания в тихой и спокойной жизни забываются удивительно быстро - это дар, которым небо награждает малышей. А радость Юаньдина и Гуаньбао теперь была неразрывно связана с больной лошадью во дворе.

Основная рана пришлась на бедро, поэтому большую часть времени она лежала, спокойно отлёживаясь на соломенной подстилке в кухне. Бянь Хун радовался, что сейчас зима: холод не давал появляться насекомым, и ране оставалось лишь заживать самой, не подвергаясь заражению от мух. Тепло, идущее от очага, тоже согревало лошадь. По сравнению с пронизываемым ветрами военным конюшенным двором здесь было куда лучше.

Она оказалась удивительно понятливой. Каждый раз, когда Бянь Хун менял повязки, лошадь вела себя смирно: если боль становилась нестерпимой, она лишь слегка дёргала кожей в месте раны. К детям она тоже относилась мягко. Гуаньбао особенно любил обнимать её большую голову, почти с него размером, прижиматься к ней - так было тепло и уютно.

Бянь Хун вынес из дома истолчённое лекарство, приготовил чистые полосы ткани и снова принялся перевязывать рану. Юаньдин и Гуаньбао, словно маленькие хвостики, увязались следом, крутясь вокруг лошади, то поглаживая здесь, то трогая там.

Всё её тело было исполосовано шрамами - следами сабель и мечей. Боевой конь, как и солдат, с каждой кампании возвращается, вырвавшись из самой пасти смерти, омытый кровью.

Лошадь тихо потянула Бянь Хуна за рукав, а затем мягкими губами коснулась его ладони. Так она относилась к тому, кого считала своим лучшим человеком: тому, кто после боя молча выводил её пройтись по широкому лугу, давал вдоволь наесться травы, прежде чем возвращаться в лагерь; кто иногда прятал за пазухой лепёшку и, улучив момент, когда конюх отворачивался, незаметно подсовывал её ей в рот...

Бянь Хун, глядя в её медленно моргающие большие глаза, тихо выдохнул и почесал ей шею.

— Корка уже схватилась. Ещё несколько дней и, может быть, ты сможешь понемногу вставать и ходить.

Лошади нельзя долго лежать: сравнительно небольшое сердце не справляется с таким массивным телом без помощи ног, и кровообращение постепенно ухудшается.

Юаньдин стоял у неё за спиной, поглаживая шерсть на хребте, сглаженную седлом.

— Брат Си, а как её зовут?

Бянь Хун приоткрыл рот, но затем опустил глаза.

— У неё нет имени. Просто Лошадь.

В военном лагере люди сменяются, как вода в реке. Возможно, у неё когда-то было множество кратких имён, но все они исчезли вместе с павшими всадниками, затерялись на безымянных полях сражений. В конце концов, имена боевым коням перестали давать вовсе. Люди их не удерживали в памяти, да и кони тоже.

Имя рождает привязанность. А привязанность не даёт умереть спокойно: даже с перерезанным горлом человек обернётся в последний раз, чтобы увидеть - жива ли ещё его боевая лошадь, сможет ли она сама добраться обратно в лагерь.

Имя означает «я». А без имени ты всего лишь ничейная лошадь.

Бывало, кони подолгу стояли возле тел павших солдат, бродили вокруг, не желая уходить. Тем, кому везло, удавалось дожидаться, пока поле боя зачистят свои и уведут их. Тем же, кому не

везло, доставались слепые удары мечей и копий, в хаосе схватки они гибли вместе со своими всадниками, не оставив даже целого тела.

Эта лошадь когда-то вынесла тяжелораненого Бянь Хуна с пустынного поля боя, переправляясь через горы и реки, пока не добралась до лагеря. Бянь Хун не хотел больше вовлекать в гибель никого - ни людей, ни даже лошадь, которая, не обращая внимания на стрелы и клинки, стояла и ждала его. Поэтому он больше никогда не садился верхом.

Всякий раз, вспоминая об этом, он лишь с тихим вздохом думал: ах да... та безымянная лошадь.

Теперь, глядя ей в глаза, Бянь Хун понял: ей нужно имя. Он немного подумал, затем указал на старшего из мальчиков, гладившего лошадь по спине:

— Это Юаньдин.

Потом указал на младшего, который уже тянул к ней пучок зелёных листьев:

— А это Гуаньбао.

— «Юань» и «бао» - это деньги, — пробормотал он. — Ты идёшь следом за ними, значит... серебро... сереб...

Он замялся, повторяя это слово, и вдруг заметил её копыта - белые, как свежесвыпавший снег.

— Пусть будет Иньшуан. Серебряный иней.

Зимний день короток: не успеешь оглянуться - уже смеркается. Но Жун Фэн всё ещё не возвращался, и Бянь Хун начал тревожиться. Время было беспокойное. Он нарочно не пошёл с ним, надеясь, что в одиночку тот управится быстрее и успеет вернуться до темноты, не рискуя идти ночью. Но на этот раз путь почему-то затянулся.

Бянь Хун зажёл масляную лампу, приготовил ужин. Дети, наевшись, почти сразу уснули, раскинувшись на тёплом кане. А он сам остался ждать у дверей.

Шло время. Небо совсем почернело, но тропа, ведущая в гору, по-прежнему была пуста.

Как раз в тот миг, когда Бянь Хун собрался вернуться в дом, накинуть тёплую одежду и выйти на поиски, в конце дороги наконец показалась знакомая фигура. Даже характерный скрип шагов по снегу словно имел собственный ритм. Бянь Хуну хватило одного этого звука, чтобы понять: это он возвращается.

На плечах у Жун Фэна было совсем немного поклажи. Он шёл легко, осторожно, не отягощённый грузом, при нём была лишь небольшая сумка со специями. Поэтому Бянь Хун, поспешивший ему навстречу, не смог скрыть удивления:

— Почему так поздно? Ты ведь не так уж много покупал.

Но мужчина выглядел необычайно довольным. Не отвечая сразу, он вместе с Бянь Хуном прошёл прямо на кухню. На очаге горела масляная лампа, в котле ещё была тёплая еда. Бянь Хун наконец-то успокоился, сел у печи и подбросил в огонь дров.

Жун Фэн у входа стряхнул с себя иней и холод, снял доули и меховую накидку, подошёл ближе и достал из-за пазухи маленький мешочек. Свет был тусклым, и поначалу Бянь Хун не придал этому значения. Лишь когда Жун Фэн развязал мешочек, высыпал его содержимое себе на ладонь и протянул к нему, Бянь Хун всмотрелся внимательнее.

— Это ведь твоё, верно?

В колеблющемся свете масляной лампы на раскрытой ладони мужчины спокойно лежала медная подвеска, словно всё ещё хранившая тепло его тела. Это был замок долголетия. На лицевой стороне тонко вырезанная летящая птица, на обороте - дата рождения, выведенная китайскими иероглифами. Всё в нём ясно говорило о том, что он не принадлежит этому времени, этому миру.

Бянь Хун застыл, не в силах отвести взгляд от подвески. Это была вещь, которая сопровождала его с самого начала, с того дня, как его подбросили к воротам приюта. Его единственное доказательство того, что он существовал как Бянь Хун.

Но жить здесь было слишком трудно. Чтобы добыть деньги на лекарства для Гуаньбао, он заложил это доказательство своего прошлого. Мертвый залог без возврата. За два цян.

С того мгновения он мог быть только Минь Си.

И вот теперь, при дрожащем свете лампы, предмет, сопровождавший его с самого рождения, снова лежал перед ним.□□

Жун Фэн был уверен, что юный ланьцзюнь обрадуется. Он хорошо помнил их первую встречу в ломбарде: юноша с больным ребёнком на руках закладывал медную подвеску. В его глазах тогда была явная боль и неохота расставаться с вещью, но жест был решительный, без колебаний. Это поразило Жун Фэна. Значит, вещь была по-настоящему важной.

Он потратил немало времени, задействовал старого аптекаря, задолжал ему услугу и отдал все собранные в этот раз лекарственные травы. Только так, под его руководством, удалось выкупить заложенное мертвым залогом имущество. Цена оказалась высокой, в несколько раз

выше прежней, но Жун Фэн счёл, что оно того стоит.

И всё же он не ожидал, что юноша не улыбнётся. Вместо этого тот внезапно разрыдался. Слезы хлынули потоком, и в тусклом свете свечи это зрелище резануло по сердцу. Инстинктивно Жун Фэн хотел отдернуть руку, может быть, так удастся остановить эти слёзы. Но прежде, чем он успел это сделать, его ладонь уже сжали. Вместе с ней и ту самую медную подвеску.

— Я не Минь Си, — тихо, но отчётливо сказал Бянь Хун.

— Что?

На его невольный вопрос юноша вдруг поднял голову и пристально посмотрел на Жун Фэна. В глазах стояли слёзы, но взгляд был твёрдым. Он одновременно и улыбался, и плакал, в нём смешались скорбь и радость.

— Меня зовут не Минь Си.

— Меня зовут Бянь Хун.

Дикая пустошь у края неба -

отбившийся от стаи дикий гусь.

(ПП: Бянь Хун 边鸿 дословно «Крайний/Пограничный Дикий Гусь». В китайской поэзии хун - «дикий гусь» - классический образ скитальца, изгнанника, тоскующего по дому путешественника. Гуси летят косяками, и отставшая одинокая птица - символ одиночества и потери.)

<http://bllate.org/book/13502/1273203>